

три! Не успевал прозвучать последний хлопок, как я из зрительного зала выскакивал на сцену, и, когда вскрывали сундук и развязывали мешок, перед публикой появлялись две женщины.

Это был номер в стиле Гарри Гудини».

А во время войны появились другие номера. Кио возглавил коллектив фронтовой бригады цирка, выступавшей перед бойцами прифронтовой полосы. Тогда же ими был создан знаменитый номер в духе Кукрыниксов «Фриц идет на войну».

Сейчас хочется вспомнить именно об этом, чему удивлялись и радовались тогдаш-

ние люди. Это совершенно необходимо, чтобы понять время, которое уже не наше.

Кио: «По арене бодро маршировал коверный, одетый в форму фашистского солдата. Подкраившиеся «партизаны» набрасывали на него балдахин, который потом на счет «раз, два, три» взлетал под купол. Вместо фрица на арене оказывался

березовый крест. К нему подбегала собачка, поднимала заднюю лапку и делала свое дело, вызывая еще больший восторг зрителей».

Фокусники пилят женщин лет уж триста. От этого никуда не деться.

История про распил — это то, что слышал в детстве от взрослых. Про то, как отрезанная рука женщины вдруг поднялась на пальцы и пошла, а на ладони улыбались губы, а потом тебе это снилось.

Мне довелось поговорить однажды с Игорем Кио, который естественно предостерег меня от подобного ужасного отношения к фокусникам.

Мы снимали передачу про бриллиантовые дела Галины Брежневой, и он, кто имел отношение к этой женщине, тоже согласился там участвовать — и попутно мы разговаривали. Больше всего меня интересовало, что ощущает женщина, которая залезает в ящик, где ее поджидают тьма и смерть, хотя смерть сама по себе была только сюрпризом для зрителей, ибо всем остальным (а именно иллюзионисту и его смелой ассистентке) — ничего не грозило. Но ощущение страха, как нагрузка в полкило докторской колбасы в брежневскую эпоху, переполняло душу.

Я не могу припомнить дословно, что сказал Игорь Эмильевич Кио — суть этого свелась к тому, что тайна трюка заключается в количестве «распиленных» женщин — их две, а не одна. Одна складывается в левой половине распиленного ящика, другая — в правой. «Отпиленные ноги» — принадлежат невидимой, а голова — ассистентке, а все в сумме производит фантастическое впечатление. И Эмиль Теодорович Кио это не раз демонстрировал, но однажды он взял с собой на представление своего сына (тезку) Эмиля. Кажется, ему было около трех лет. Он сидел в первом ряду и наслаждался программой — выступление наездников, лошадей, львов, тигров, — но больше всего он обрадовался, когда увидел на манеже своего папу, который вышел, ведя перед собой маму. Тогда было так принято, чтобы иллюзионист появлялся, выводя красавицу ассистентку, и зрители взорвались аплодисментами, и был фурор, заиграла волшебная музыка, под которую старший Кио положил свою жену — мать младшего Кио в ящик, так что из ящика торчала только ее голова, а потом появилась огромная пила, и «папа стал распиливать маму». Как вспоминал Эмиль Эмильевич, он расплакался, а потом перепрыгнул через барьер и побежал на папу с кулаками. Отец не растерялся, подхватил сына на руки и кое-как закончил номер. Как реагировала публика, я не знаю. Мальчик плакал, папа пил, пока... пока его мама не вышла из ящика живой и невредимой. Это был первый урок на тему: «не верь своим глазам».

Если продолжить разговор про Кио, то я должен сказать, что его старший сын Эмиль пошел дальше отца в отношении пилы плюс женщин. Он начал разрабатывать свои фокусы самостоятельно, и мне не приходится сомневаться, что это было настоящее чудо, когда «волшебная» технология менялась. Если раньше фокусник «традиционно» распиливал свою ассистентку поперек и затем раздвигал ящик, то Эмиль